

О МАРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ ГРОМЫКО

Аннотация. В воспоминаниях о М. М. Громыко автор отталкивается от «канонического образа», который сложился в Новосибирске в академической среде в связи с научной деятельностью Громыко и ее личностью (в поступках, поведении, взаимоотношениях с коллегами). Автору удалось познакомиться с Мариной Михайловной, и общение с ней подтвердило, что образ соответствует реальности. В воспоминаниях присутствует важная информация о деталях складывания научной школы Н. Н. Покровского в Новосибирске и роли М. М. Громыко в этом процессе.

Ключевые слова: воспоминания о М. М. Громыко, новосибирский образ Громыко – ученого и человека, опыт личного общения, научная школа Н. Н. Покровского, роль М. М. Громыко в ее создании.

Abstract. In the memoirs of M. M. Gromyko, the author starts from the «canonical image» that has developed in Novosibirsk in the academic environment in connection with the scientific activities of Gromyko and her personality (in actions, behavior, relationships with colleagues). The author managed to get to know Marina Mikhailovna and communication with her confirmed that the image corresponds to reality. The memoirs contain important information about the details of the formation of the scientific school of N. N. Pokrovsky in Novosibirsk and the role of M. M. Gromyko is in this process.

Key words: Memories of M. M. Gromyko, the Novosibirsk image of Gromyko as a scientist and a person, the experience of personal communication with her, the scientific school of N. N. Pokrovsky and the role of M. M. Gromyko in its creation.

Петров Станислав Геннадьевич (Petrov Stanislav Gennadievich) – старший научный сотрудник Сектора археографии и источниковедения Института истории Сибирского отделения РАН, кандидат исторических наук, petrov__istochnik@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 26. С. 86–89

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 821.161; ББК – 83.3 (Рус) 1; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-26/86-89>

В конце августа 2020 г. из Москвы пришло скорбное известие о новопреставленной рабе Божией Марине Михайловне Громыко – замечательном российском историке и этнографе, крупном знатоке хозяйственной, бытовой и духовной жизни русского крестьянства. Уход в мир иной наших коллег и учителей из старшего поколения всегда застаёт врасплох, очень уж хочется, чтобы век их длился как можно дольше. В истории развития гуманитарных наук и высшего образования в Сибири Марина Михайловна была человеком особенным. Она стояла у истоков сибирской академической исторической науки и гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (НГУ). К ней у гуманитариев-сибиряков всегда было уважительное отношение, как к представителю легендарной когорты ученых-основателей, заложивших научные традиции гуманитарных наук в Сибирском отделении РАН. В сознании своих сибирских коллег она оставила глубокий след.

О Марине Михайловне я узнал в конце 1980-х гг., будучи студентом исторического отделения гуманитарного факультета НГУ. В одной из поточных аудиторий, расположенной около деканата в лабораторном корпусе НГУ, на стенах были развешаны стенды, посвященные факультетской истории. Среди множества фотографий на этих стендах, которые изучались студентами, поступившими только что в университет, внимание привлекли снимки с высокой стройной блондинкой, идентифицировать которую с уже известными нам преподавателями, работавшими на факультете, мы не смогли. Не помню, кто из преподавателей удовлетворил наше любопытство, но после пояснений мы точно знали, что эта красивая женщина – профессор Громыко, которая раньше работала на факультете, а теперь живет в Москве.

Так, с факультетского стенда в мою профессиональную жизнь вошла Марина Михайловна, с которой позже мы познакомились и общались вплоть до ее кончины. В бурлящей общественно-политической атмосфере рубежа 1980–1990-х гг. имя ее оказалось в центре дискуссий сотрудников Института истории, филологии и философии СО АН СССР о недалеком прошлом, о прожитых советских десятилетиях. Помню слова замечательного филолога-фольклориста С. П. Рожновой, человека исключительной порядочности и отзывчивости, которая, как и Марина Михайловна, подписала в 1968 г. письмо в защиту диссидентов. Она говорила, что именно четкая и принципиальная позиция

Громыко, которая, не теряя своего достоинства, отстаивала право на собственную точку зрения, ее научный и человеческий авторитет придали силы выстоять на разного рода собраниях, призванных проработать и наказать отступников, и пережить трудные времена.

Вспоминал о Громыко достаточно часто и профессор В. Л. Соскин, рассказывая о начале ее работы в Сибирском отделении. Она одной из первых была принята в Постоянную комиссию по общественным наукам при Президиуме СО АН СССР, зародыш будущего гуманитарного института, где он работал ответственным секретарем, и оказалась не просто женой выдающегося советского теплотехника и механика, но еще и крупным ученым. Своей принципиальностью и бескомпромиссностью она явно диссонировала с конформистскими позициями большинства ее коллег, так что спустя годы Соскин с улыбкой образно говорил о ней – «гордая полячка».

Говорил Соскин и о том, что через некоторое время после ее изгнания из НГУ тогдашний ректор предлагал какими-то окольными путями возобновить преподавание, но Марина Михайловна категорически отвергла подпольный вариант возвращения в университет. Поводом же для отъезда из Сибири, по его словам, стало ее обращение к секретарю Новосибирского обкома Ф. С. Горячеву с просьбой о пересмотре ее дела. Партийный хозяин области, «царь Федор», приветливо принял опального историка, выслушал ее и обещал помочь, но, как только она закрыла за собой дверь, тут же позвонил директору института академику А. П. Окладникову и раздраженно потребовал, чтобы духа ее больше не было в Новосибирске. Вызвав к себе в кабинет, Окладников поведал Громыко о звонке, сказав, что зря она ходила к Горячеву, только себе сделала хуже. После этого было уже невозможно оставаться в Новосибирске.

Из всех этих рассказов старших коллег сформировался ее образ как человека независимого и самостоятельного, который придерживался взглядов, зачастую не совпадавших с требованиями высокого начальства. Вопреки нашему компромиссному времени, когда особенно высоко ценится и активно внедряется в массовое сознание умение мобильно адаптироваться к быстро меняющейся реальности, она была из тех немногих, кто занимал свои собственные позиции при решении принципиальных вопросов. Сложилось ощущение, что для нее существовало либо «да-да», либо «нет-нет», а все, что сверх этого, – от лукавого.

В конце 1990-х гг., когда вышли из печати первые две книги из серии «Архивы Кремля», в которых были опубликованы секретные ранее документы об антирелигиозной политике и практике большевиков в первые советские годы, академик Н. Н. Покровский сказал, что нам, как составителям, нужно обязательно подписать их и отправить с оказией в Москву М. М. Громыко. Николай Николаевич подчеркнул при этом, что Марина Михайловна настоящий, серьезный исследователь, сделавший много добрых дел для науки в Сибири, и человек порядочный и честный, подвергнувшийся несправедливым преследованиям. И в последующем он всегда с большой теплотой и симпатией отзывался о ней. Не могу утверждать точно, но думаю, что уже тогда он знал, что Марина Михайловна вступила на непростой путь духовного переосмысления своей предыдущей жизни и воцерковления.

Видимо, передала ей «Архивы Кремля» ее новосибирская ученица – профессор, доктор исторических наук Н. П. Матханова, которая поддерживала со своим учителем тесные дружеские контакты, не исключая, что она рассказала Марине Михайловне и об авторе этих строк. Именно через Наталью Петровну было передано приглашение Марины Михайловны посетить Институт этнологии и встретиться с ней. Приглашение это было принято мной с большим волнением и, я бы даже сказал, с некоторым трепетом.

В ближайшую по времени командировку в Москву я приехал в здание Президиума РАН на Воробьевых горах и, преодолев охрану, этажи и запутанные коридоры, наконец-то оказался в Институте этнологии, в Отделе русского народа. Помню внимательный взгляд ее пронзительных голубых глаз и приветливую улыбку. Представив сотрудникам отдела, она усадила меня рядом со своим рабочим местом, напротив которого находился книжный шкаф, уставленный весь иконами и похожий на огромный киот или домашний иконостас. Ничего подобного в академических институтах я не видел, но мгновенно стало понятно, что Марина Михайловна глубоко верующий православный человек. Сразу как-то пришло в голову, что это тот самый идеальный вариант в науке, когда человек не отстраненно изучает свой предмет, а сам целиком и полностью растворен в нем, неотделим от него.

Об этой встрече и состоявшемся долгом разговоре в памяти остались рассказы Марины Михайловны о родной ей Беларуси, о на-

учных проблемах, над решением которых она тогда работала, о трудах сибирских историков по истории русского православия. Оживилась она, когда я сказал ей, что родители моего отца переселились в Сибирь из Могилевской губернии по столыпинской реформе. Из тех, с кем она работала в Сибирском отделении АН СССР и кто продолжал к тому времени еще трудиться в Институте истории СО РАН, она проявила интерес только к Н. Н. Покровскому, его сотрудникам и к своим собственным ученикам, живущим в Новосибирске. В частности, речь зашла об истории сибирской приходской общины и докторской монографии Н. Д. Зольниковой. Марина Михайловна посетовала, что в этой замечательной книге практически ничего не говорится о каждодневной будничной жизни общины. После моих роптаний, что было бы жалко и непростительно, если остался бы неизученным или плохо освоенным такой обширный массив замечательных документов консисторского делопроизводства XVIII в., с которым работала Н. Д. Зольникова и который, к сожалению, не дает сведений о повседневной жизни прихода, она согласилась с тем, что в этой монографии таких задач не ставилось и исследователь всегда ограничен информативными возможностями своих источников.

Попытки мои говорить о времени, когда она жила в Новосибирске, Марина Михайловна отвергла сразу, сказав, что этот период своей жизни она коренным образом переосмыслила и не видит там ничего заслуживающего какого-либо внимания. Помню, я возразил ей, что не могу перечеркнуть все сделанное ею для исторической науки в Новосибирске, где ее воспринимают человеком из сибирской легенды.

После вручения моих работ она подарила мне свою книгу о сибирских знакомых и друзьях Ф. М. Достоевского, ответственным редактором которой был Н. Н. Покровский. Несмотря на отказ от каких-либо дарственных надписей, она все-таки сделала исключение и написала ее: «Станиславу Геннадиевичу Петрову с радостью. М. Громыко. 7/ХІІ-99». После чего последовало приглашение к чаепитию, предваренное молитвой, за которым Марина Михайловна угощала чудесной, собственного посола красной рыбой. За трапезой она интересовалась, что мне известно о новомученике, московском протоиерее Александре Звереве и членах его семьи, и просила обязательно сообщить ей, если в ходе работы в московских архивах удастся найти сведения о них.

Перед моим уходом она поделилась своими переживаниями по поводу духовного развития своих сибирских учеников, особенно тех, кто был чужд религиозности. Невоцерковленность их вызывала у нее чувство тревоги и искреннего волнения. Она даже просила меня содействовать ей в этом непростом вопросе.

В результате этой встречи общение с Мариной Михайловной стало регулярным. Общались и по телефону, и через ее новосибирских учеников, навещавших своего учителя в Москве. Радостно было получить от нее две последние ее книги о русском православном старчестве в XX в. и о духовном возрасте ученых. А потом по телефону, после слов благодарности за щедрый дар, делиться с нею своими впечатлениями от прочитанного и ощущать ее бодрый голос, удовлетворенный от свершенных и востребованных у коллег научных трудов. Своей неутомимой трудоспособностью и преданностью профессии она, конечно, вдохновляла и нас, своих младших коллег. Не забываются ее звонки с поздравлениями по поводу выхода моих монографий, посвященных истории Русской Православной Церкви в XX в. Помню данную

ей оценку моей исследовательской работы и доброжелательную конструктивную критику этих трудов. Знаю, что она и по телефону, и при личных встречах с Н. П. Матхановой торопила меня с защитой, наставляла и удивлялась, как это так долго можно не защищать докторскую диссертацию.

Не могу забыть последнего ее телефонного звонка ранним апрельским утром 2018 г., в это время в Москве была глубокая ночь, когда она срывающимся от волнения голосом говорила со мной о загробной судьбе окончившей свой земной путь Натальи Дмитриевны Зольниковой, накануне ее отпевания.

Несмотря на расстояния, здесь в Новосибирске всегда ощущалось незримое присутствие Марины Михайловны и доброжелательный настрой к нам, сибирякам. Впечатление было такое, что она, находясь и в Москве, не сняла с себя ответственности за состояние академической исторической науки в Сибири, интересовалась ее развитием, опекала и поддерживала нас.

Вечная память! Пусть упокоится душа ее в селениях праведных!

ABOUT MARINA MIKHAILOVNA GROMYKO

